

## К Н И Г И

*H. BERGSON. Les deux sources de la morale et de la religion. F. Alcan, Paris 1932 (346 p.p.).*

Новый труд Бергсона, долгожданное завершение его системы, содержит в себе основы этики и философии религии. Бергсон различает два типа морали — замкнутую (относительную) и открытую, абсолютную. Первая имеет в виду нужды ограниченного круга существ — индивидуума, его семьи, его отечества; вторая охватывает все человечество, даже весь мир. Перейти от первой морали ко второй путем постепенного расширения круга охватываемых ею существ нельзя, потому что различие между этими двумя типами морали не количественное, а качественное. Замкнутая мораль есть созданное природою приспособление человека, имеющее целью самосохранение и благополучие индивидуума и общества. Она основана на безличных привычках, социальном принуждении, стремлении к удовольствию, включает в себя возможность и даже иногда необходимость ненависти; наоборот, абсолютная мораль исходит из всеобъемлющей любви, основана на мистическом религиозном опыте, осуществляется с

энтузиазмом, дает не удовольствие, а радость, творится личными усилиями этических гениев и распространяется путем личного подражания им. Одним словом, замкнутая мораль имеет биологическую основу, абсолютная мораль — мистическую. Чтобы понять глубже соотношение их, нужно перейти к рассмотрению двух типов религии — статической и динамической.

К области статической религии Бергсон относит все религии, включая и христианскую, поскольку они выражают сферу божественную в ограниченных образах и понятиях. Религия в этом ее аспекте есть по Бергсону «защитная реакция природы против всего того в деятельности интеллекта, что могло бы угнетать индивидуума и разлагать общество» (219) (защита от эгоизма, рекомендуемого интеллектом, от страха смерти, магия, как средство защиты от случайностей). Содержание этой религии вырабатывается способностью «фабуляции», создающей фикции.

Статическая религия инфраинтеллектуальна; наоборот, динамическая религия супраинтеллектуальна. Она опирается на мистическое соединение души человека с Богом, дающее опытное доказательство бытия Бога (257). Но

этого мало, высшая ступень мистики, достигаемая не греческою философіею и не индусскими религіями, а христіанством, не останавливается на созерцательных состояніях, а ведет к величайшему напряженію активности путем слиянія воли индивидуума с волею Божіею (248).

В книгѣ Бергсона, как и в предыдущих его трудах, много блестящих мыслей, выраженных красивым языком. Особенно цѣнны доводы в пользу объективности мистическаго опыта и общія соображенія о мистицизмѣ, подтверждаемая современною философскою литературою, проникающею все глубже в эту область жизни духа.

К сожалѣнію, однако, существеннѣйшія проблемы философій религій в книгѣ Бергсона не только не рѣшены, но даже иногда и не затронуты. О Богѣ вскользь сказано, что Он есть Любовь и предмет любви (270), что Он творит творцов, достойных Его любви (273). Но каково отношеніе Бога и міра, слѣдует ли его понимать в духѣ пантеизма или теизма или как-либо иначе, на это нѣтъ и намеков в книгѣ. Поднимаемая вопрос о безсмертіи, Бергсон говорит, что можно допустить сохраненіе личности послѣ смерти, потому что у нея есть функции, независимыя от тѣла, однако есть ли это переживаніе тѣла на время или навсегда, этот вопрос оставляется не рѣшенным (283). Проблема зла не только не рѣшена, но даже и не поставлена.

Кромѣ неполноты, труду Бергсона присущ еще другой, болѣе

серьезный недостаток: крайній біологизм в ученіи о замкнутой (относительной) морали и статической религій, откуда получается утилитарно-эвдемонистическое пониманіе замкнутой морали и статической религій, а также субъективизм содержанія статической религій. Можно попытаться защитить Бергсона указаніем на то, что фактическая мораль и религія, по его ученію, всегда содержит в себѣ сочетаніе обоих найденных им видов религіозно-нравственной жизни, и что он только в абстракціи намѣчает два полюса этих проявленій — небесный и земной. Однако эта попытка защиты недостаточна. Сам Бергсон признает, что мистик на низших ступенях единенія с Богом, сопутствуемых видѣніями, угадывает присутствіе силы Божіей «сквозь символическое видѣніе» (248). Это возможно лишь в том случаѣ, если символическіе образы христіанской религій понимаются не как субъективная фабуляція, а как «реальные символы», в которых, сообразно нашей ступени пониманія, Бог вступает с нами в реальное общеніе (такой реалистическій символизм развит, напримѣр, в книгѣ Бердяева «Философія свободнаго духа»). Отсюда замѣчается возможность философій религій, которая истожковывает исторію «статических» религій, как постепенное осознаніе человеком Бога и божественных сил в мірѣ; неизбежная в этом процессѣ «фабуляція» осуществляется на реальной основѣ. Замѣчательныя попытки такого пониманія исторіи религій

даны Шеллингом и Эд. Гартманном.

Также и в нравственной дѣятельности человѣка на основѣ «замкнутой» морали, кромѣ стороны биологическаго приспособленія, есть момент подлинно нравственный, именно б е з к о р ы с т н а я реализація относительных цѣнностей (напримѣр, безкорыстный патриотизм, как одна из слагаемых поведенія участников войны). Объяснить эту слагаемую нельзя ни ссылкой на биологическіе факторы, ни указаніем на мистическое единеніе с Богом. Для пониманія этой самой обширной сферы нравственных проявленій человѣка в земных условіях нужно разработать ученіе о положительном значеніи относительных цѣнностей земного бытія, ученіе о іерархіи их и о воспріятіи их человѣком.

Н. Лосскій.

*Bertrand de JOUVENEL. L'Economie dirigée. Paris 1928 (Bibl. Syndicaliste). Librairie Valois.*

Основная идея превосходной по ясности мысли, по трезвости и освѣдомленности книги Жувенеля — идея синтеза «соціализма» и «капитализма». Капитализм — «тезис», соціализм — «антитезис». По марксовою діалектикѣ выходило, что, замѣнив «тезис» «антитезисом», уже тѣм самым, волшебным об-

разом, можно осуществить синтез. В Россіи и был сдѣлан опыт этого. Что же вышло? Рабочій — бывший рабом частнаго капитала, обратился в раба капитала «общественнаго», на дѣлѣ — государственнаго. Чрезвычайно важно свидѣтельство автора о новом теченіи в синдикализмѣ — результат воспитанія масс в военную пору и русскаго опыта. Синдикализм раньше был «индивидуалистичен» — в том смыслѣ, что он противопоставлял рабочій класс всѣм прочим; сейчас он «соціалистичен» — в смыслѣ признанія взаимозависимости и солидарности общественных классов. Осуществлена ли эта солидарность в современном капитализмѣ? Есть эволюціонисты, отвѣчающіе на это положительно. Главный факт — «децентрализація» капиталов путем размѣненія акцій в частных руках. Но с о в л а д ѣ н і е не одно и то же, что с о т р у д н и ч е с т в о. Акціонер не участвует никак в хозяйствованіи. А, вѣдь, главная проблема нашего времени именно эта: возстановить о р г а н и ч е с к о е строеніе общества, так, чтобы каждый член его чувствовал и сознавал свою м о р а л ь н у ю связь с цѣлым. Ни капитализм, выраждающійся в б а н к о к р а т і ю (это превосходно прослѣжено у Жувенеля), ни коммунизм, скинувшійся самым ужасающим деспотизмом государства, этому требованію не удовлетворяют. Вмѣстѣ с F o u r g e a u d (см. мою рецензію на его «Rationa-